

Фэн Цзю не знала, как долго она проспала.

Хотя всё было, как в тумане и она не знала, что происходит, иногда она чувствовала кое-что. Кто-то ее обнимал.

Ей казалось, что она знает человека, обнимавшего ее, но она почему-то не могла вспомнить его имени. В воздухе витал легкий аромат белого сандалового дерева; это был знакомый запах. Но, возможно, она и ошибалась.

После того, как ее долго держали, она вдруг ощутила под собой мягкую поверхность.

Чувствуя себя более комфортно, она расслабилась в объятиях державшего ее человека.

Из-за того, что сознание принадлежало ей не полностью, а ее тело большую часть времени испытывало мучительную боль, она чувствовала себя очень усталой. Ей нравилось лежать в таком удобном положении.

И все же боль терзала ее постоянно, а переносить ее было тяжело. Фэн Цзю постанывала всякий раз, когда не могла ее вынести. И каждый раз чья-то рука прижимала ее к себе, подавая одну ложку за другой какой-то жидкости. Запах этой субстанции был похож на запах крови, и на вкус был совсем неприятным. Но каждый раз, когда она достигала ее горла, боль утихала; кажется, это было хорошее средство.

Когда она закашлялась, кто-то медленно похлопал ее по спине. Когда она принялась ворочаться, кто-то взял ее за руку. Когда она захныкала, он крепко обнял ее. Поэтому она продолжала хныкать, даже если чувствовала себя нормально; она хныкала всякий раз, когда вспоминала об этом.

К тому времени, когда ее сознание начало восстанавливаться, она попыталась узнать, что за человек ухаживал за ней. Его забота была нежной, и кажется, у него был некоторый опыт. Но чем больше она пыталась думать, тем больше затуманивался ее разум.

Время текло бесшумно, как вода в ручье. Еще не совсем придя в себя, глаза Фэн Цзю неясно скользили по многим знакомым лицам. Наконец, они остановились на пожилой женщине, которая одевалась и двигалась очень элегантно. Она была матерью ее матери, ее бабушкой по материнской линии, старой госпожой Фуми. У Фэн Цзю начала болеть голова.

В этот момент бабушка сидела в гостиной своей семьи и о чем-то разговаривала с мамой.

Хотя госпожа Фуми казалась достаточно дружелюбной, на самом деле она была очень пугающей старой дамой. Главной целью ее жизни было выдать всех своих дочерей замуж за великих людей. Благодаря ее тщательным поискам все семь ее дочерей действительно нашли отличные пары. Она, несомненно, была опорой семьи. Но после того, как она выдала замуж всех своих дочерей, она словно потеряла смысл в жизни.

Она чувствовала себя опустошенной в течение двух тысяч лет, пока однажды отец Фэн Цзю не привел семью в гости на день рождения ее дедушки. Отец привел ее, чтобы она подала чай бабушке. Ее бабушка, страдающая от скуки в унылые зимние дни, с радостью узнала, что ее старшей внучке Фэн Цзю исполнилось более 30 000 лет.

Это был подходящий возраст, чтобы начать искать для нее мужа.

Ее бабушка нашла новое занятие в жизни, и с этого дня она стала почетным гостем в доме

своей старшей дочери.

Фэн Цзю спряталась тогда за маленьким садиком и изо всех сил старалась подслушать, что говорит бабушка ее матери. Она услышала, как бабушка сказала: «Я планирую так рано выдать замуж Цзю'эр, потому что сейчас она может сделать хороший выбор. С внешностью и характером Цзю'эр она должна войти в благородную и состоятельную семью. Однако далеко не каждый вариант из известной семьи нам подходит. Например, в прошлый раз ваш второй шурин рекомендовал младшего сына Повелителя Вод Южного Моря. Он действительно хорошо выглядит и имеет знатное происхождение, но, прискорбно, что у него нет настоящего титула. Я думаю, достоин Цзю'эр будет человек, обладающий некоторой властью в дополнение к выдающемуся прошлому. Более того, я не слишком люблю генералов. Возьмем, к примеру, вашего четвертого шурина. Он может занимать высокое положение, но этот брак всегда вызывал у меня беспокойство. Если бы тогда твоя сестра не устроила голодовку, тоскуя по нему, я бы не отдала такого хорошего ребенка какому-то животному. Что хорошего в этих генералах? Он постоянно воюет и убивает, и совершенно не знает, как быть нежным и добрым. Как мать Цзю'эр, ты не должна совершить ту же ошибку, что и я. Если Цзю'эр дружит с каким-нибудь воином, тебе нужно быть осторожной. И еще один важный момент. Они должны подходить друг другу. Посмотри, как красива наша Цзю'эр, мы должны найти ей в пару такого же красивого мужчину, чтобы у меня были красивые правнуки. Иначе мы погубим репутацию рыжих и девятихвостых белых лис. Пока мне пришлось в голову только это, позволь мне вернуться и подумать еще немного о деталях».

Мать похвалила бабушку за то, что она так тщательно все обдумала; теперь они, несомненно, найдут Фэн Цзю хорошую партию в соответствии с желаниями бабушки; она надеялась, что та не будет слишком волноваться, и так далее и тому подобное.

Услышав их разговор, Фэн Цзю почувствовала, как ее сердце сдавила тяжесть. Она вышла из маленького садика неровными шагами. По пути ее голова наполнилась мрачными мыслями и стала тяжелой, как гора.

Хотя Дун Хуа Дицзюнь, которого она любила, своими руками добился высокого статуса, он не происходил из старинной семьи. Ее бабушка наверняка будет недовольна этим. Хотя Дицзюнь и обладал небывалым авторитетом в прошлом, с тех пор он удалился во дворец Тайчэнь и больше не обладал реальной властью. Бабушке это не понравится еще больше. Его доблесть на полях сражений была записана в анналах истории, чтобы о ней читали будущие поколения. Он был несравненно лучше по сравнению с ее четвертым дядей. Бабушке это не понравится больше всего.

Кроме привлекательной внешности Дицзюня, в нем не было ничего, что могло бы понравиться ее бабушке. Что же ей теперь делать?

Желтые листья деревьев покачивались на ветру, осенний ветер студил кожу – казалось, всё в этом сезоне полно печали. Ее сердце горестно сжалось. Она задумчиво присела на корточки на веранде. Вероятно, это не сработает, если она попросит отца послать кого-нибудь во дворец Тайчэнь для сватовства. Она могла рассчитывать только на себя, преследуя Дун Хуа Дицзюня.

В этот момент перед глазами Фэн Цзю возникла еще одна сцена. Ни разу Фэн Цзю не почувствовала, что ей снится сон. Более того, смена сцен казалась ей вполне нормальной. Но она смутно чувствовала, что это уже случилось в далеком прошлом.

Однако она почти забыла, что именно по этой причине она попросила Сымина привести ее во дворец Тайчэнь в том году. Если бы не тот факт, что Дун Хуа не соответствовал критериям ее

семьи, и она рассказала бы своей семье о своих чувствах и попросила отца послать кого-нибудь во дворец Тайчэнь для сватовства, то как бы сложилась их история сегодня?

Когда слово «сегодня» пришло ей в голову, она вдруг почувствовала себя странно. Сегодня, сегодня... Она чувствовала, что не слишком довольна сегодняшним днем. Но что случилось сегодня? Какой именно сегодня день?

Она смущенно огляделась. Она лежала на свадебной кровати, одетая в красное свадебное платье. Мерцающие свадебные свечи, тусклый лунный свет, бесконечное щебетание насекомых. О, сегодня ее свадьба с Цан И Шэньцзюнем.

Ее отец искал повсюду, и, наконец, выбрал Цан И Шэньцзюня с горы Чжюэ ей в мужа.

Она вспомнила, что, конечно же, была не согласна с выбором отца. Прежде чем сесть в свадебный паланкин у их парадной двери, она все еще спорила с отцом о том, что если он так сильно любил Цан И, то должен сам сесть в паланкин, нет никакой необходимости выдавать ее за него замуж. То, что она сказала, так разозлило отца, что он немедленно связал ее магическими веревками и бросил в паланкин.

Но уже через секунду она каким-то образом оказалась на брачном ложе. Она смутно чувствовала, что на пути от Цинцю до горы Чжюэ произошло что-то интересное. Как же так вышло, что середину вырезали?

Впервые она почувствовала, что находится внутри сна. Но все казалось таким реальным, что полной уверенности не было. В мерцающем свете свечей Фэн Цзю вдруг услышала детский голос, который объявил снаружи: «Шэньцзюнь прибыл».

Это была брачная ночь, и близился час бракосочетания. Этот Шэньцзюнь, о котором было объявлено, должно быть, Цан И. Фэн Цзю вздрогнула. Она даже не могла вспомнить, что прошла с ним через брачные обряды, а теперь они должны были консумировать брак?[1] В испуге она начала паниковать. Она вынула из волос золотую заколку, рефлекторно закрыла глаза и притворилась спящей. Про себя она подумала, что шпилька была достаточно острой. Если Цан И приблизится к ней, она позволит его красной крови окрасить свадебное ложе сегодня ночью. Фэн Цзю на секунду растерялась. Насколько она помнила, в ту ночь на самом деле этого не произошло. Почему она вспомнила, что еще до того, как они совершили брачный обряд, она уже разрушила его дворец? Или, может быть, ей это только снится?

Она немного успокоилась. Было ли это сном или нет, но поскольку ей с самого начала не нравился этот Цан И Шэньцзюнь, и она всегда ценила свою неприкосновенность, она не позволила бы ему воспользоваться ни малейшим преимуществом даже во сне.

Когда она почувствовала, что Шэньцзюнь приблизился к ней, она слегка приоткрыла глаза, держа в руке заколку, готовую защитить целомудрие ее обладательницы. Но она лишь на миг успела покинуть ее руку, прежде чем упасть обратно на груди покрывал.

Фэн Цзю недоверчиво уставилась на приближающегося к ней человека. Она растерянно заморгала.

Тот, кто шел к ней, был не Цан И, а человек, упомянутый ранее, Дун Хуа Дицзюнь.

В лунном свете его серебряные волосы были белы как снег, складки его фиолетовой мантии сияли от его движений, а лицо, представшее перед глазами, было то самое, которое Сяо Янь называл ледяным.

Человек, стоявший рядом с кроватью, был самым Владыкой.

Когда Дицзюнь увидел, что она открыла глаза, он на мгновение застыл, а затем коснулся ее лба. Закончив проверку, он не убрал руку. Он смотрел на нее долгое время, прежде чем спросить: «Ты проснулась? Где-нибудь болит?»

Фэн Цзю молча уставилась на Дицзюня, некоторое время тупо размышляла, а потом, наконец, подняла руку, чтобы подозвать его к себе.

Дицзюнь понял ее жест и сел на край кровати, слегка наклонившись к ней.

С такого расстояния ее рука могла дотянуться до воротника его мантии, но ее целью был не воротник Дицзюня.

Всего лишь мгновение назад все ее тело все еще было обмякшим и слабым. Просто выпрямиться было уже трудно, но при такой близости все было намного проще.

Дицзюнь внимательно изучал ее, серебряные пряди его волос падали ей на плечи. Он тихо спросил: «Тебе неудобно? Может, перевернешься на другой бок?»

Она не чувствовала никакого дискомфорта. Пока Дицзюнь задавал этот вопрос, она быстро протянула руки и использовала всю свою силу, чтобы схватить и потянуть вниз воротник его мантии, затем она прижалась своими розовыми губами точно к губам Дун Хуа... Серия действий: схватить, тянуть, коснуться, поцеловать - шокировала Владыку до ошеломления.

Фэн Цзю обхватила руками шею Дун Хуа, крепко прижавшись губами к его губам.

Она подумала про себя, что всего мгновение назад она подозревала, что это сон, а в следующее мгновение Цан И Шэньцзюнь превратился в Дун Хуа. Это доказывало, что это действительно был сон. Он продолжал трансформироваться, потому что пытался исполнить ее неосуществленную мечту. В тот год, когда она покинула Девять Небес, единственное, о чем она сожалела, было то, что она доверила свою любовь не тому человеку и ничего не получила взамен; это был позор для Цинцю. Поскольку они снова встретились во сне, а сны могут измениться в любую минуту, что она будет делать, если Дун Хуа исчезнет от нее в следующую секунду? Она должна воспользоваться этим моментом, чтобы поцеловать его. Такая возможность не выпадает дважды. Было бы неплохо пожать плоды своих трудов, даже если лишь во сне.

Губы Дун Хуа были такими же ледяными, какими она их себе представляла. Они были неподвижны, даже когда она крепко прижималась к ним, как будто он с любопытством ждал, что она будет делать дальше.

Фэн Цзю чувствовала себя удовлетворенной этой демонстрацией. Она использовала его в своих интересах – он должен сидеть там, как статуя. Было бы отлично, если потом его лицо покраснеет от смущения из-за осознания того, что им воспользовались.

После достаточно долгого слияния их губ, она неловко высунула язык, чтобы коснуться его верхней губы, и почувствовала, что Дицзюнь немного дрожит. Эта реакция соответствовала ее расчетам; чувство удовлетворения поднялось в ней, как если бы она смотрела на лозу дерева, тихо взбирающуюся на вершину, или слышала, как капля росы скатывается по листьям лотоса.

Она отпустила его после пары поцелуев, чувствуя, что не так уж плохо, что она воспользовалась им до этого момента. В любом случае, она была не слишком опытна, и не

знала, как еще можно использовать его в своих интересах.

Глаза Дицзюня были слегка затуманены, а выражение лица спокойным. Казалось, даже если гора Тай обрушится рядом с ними, воображаемый Дицзюнь все равно останется таким же невозмутимым, как и настоящий.

Фэн Цзю была немного разочарована тем, что Дицзюнь не смутился. Но всё в порядке, он и так всегда был толстокожим.

Руки Фэн Цзю, вцепившиеся в шею Владыки, мягко коснулись его лица. Наконец, удовлетворенная, она отодвинулась, чтобы лечь на подушку, когда ее удержала мощная сила. Она не поняла, что происходит, когда Дицзюнь уже приблизился к ее лицу. Драгоценный камень цвета индиго на его лбу излучал сияние, яркое, как утренняя звезда, ясно отражая ее ошеломленное лицо.

Он был всего в дюйме от ее носа. Дун Хуа некоторое время смотрел на нее, потом так же естественно наклонился и нежно коснулся ее губ своими ледяными губами.

Фэн Цзю ошеломленно услышала, как в ее голове щелкнула струна.

Он изучал ее глубокими темными глазами. Увидев, как затрепетали ее ресницы, он неторопливо усилил натиск, заставив ее приоткрыть губы, и легко нашел ее язык, как будто показывая, как надо возвращать поцелуй. Дицзюнь все это время держал глаза открытыми, наблюдая за ее реакцией.

На самом деле, кроме того, что она широко раскрыла глаза, у Фэн Цзю не было никакой другой реакции. От этого поцелуя ее разум превратился в кашу. Этот комок кашицы слабо напоминал ей самой: по сравнению с трепещущим поцелуем, который она инициировала, его поцелуй был немного грубым. Дицзюнь определенно был богом, который никогда не хотел проигрывать. Он демонстрировал совершенно другой уровень, даже желая отплатить за одно крошечное нарушение.

Она слишком долго задерживала дыхание и больше не могла дышать. Она хотела оттолкнуть Дун Хуа, но ее руки превратились в бессильное желе. Сегодня ее разум был настолько взбудоражен, что ей даже в голову не пришло вернуться в свою первоначальную форму, чтобы избежать этой ситуации.

Дицзюнь слегка ослабил хватку, но его губы все еще касались ее. «Почему ты задерживаешь дыхание? - спросил он в своей обычной манере. - Мне также учить тебя, как дышать в таких случаях?» И все же в его голосе слышалась хрипотца.

Будучи королевой Цинцю, Фэн Цзю всегда придерживалась одного правила - в любых обстоятельствах сохранять репутацию Цинцю. Что бы ни случилось, она не должна была запятнать имя Цинцю.

То, что Дун Хуа сказал, действительно задело ее гордость. Она внезапно обрела присутствие духа и использовала хитрую уловку, чтобы ответить: «Вот как люди Цинцю реагируют в таких случаях. Я не потерплю критики от такого невежественного человека, как ты!»

Когда случались подобные вещи, каковы были обычаи Цинцю? Ей было всего 30 000 лет, она была всего лишь неоперившимся детенышем. Конечно, у нее никогда не было возможности увидеть или узнать о подобного рода вещах. Сегодня она впервые узнала, что для поцелуев используются не только губы, но и языки. Она всегда считала, что поцелуй - это лишь

прикосновение губ и ничего более, и что чем больше любви, тем дольше длятся эти касания. Например, она так долго прижималась губами к губам Дицзюня, что ее любовь, должно быть, достигла глубины моря. Оказалось, что в ее знаниях касательно этого вопроса было много пробелов, и о многом ей еще предстояло узнать.

Однако если даже она, уроженка Цинцю, не знала об этом обычае, то откуда Дун Хуа мог знать об этом лучше? Она думала, что ее идея обмануть Владыку с этим оправданием была хорошей.

Не услышав ответа от Дицзюня, она добавила: «Разве ты только что не дышал?» Выражение ее лица стало серьезным: «В Цинцю это табу. Братец Серый волк, который живет по соседству с нами, потерял из-за этого свою невесту. Зря люди смотрят на такие вещи свысока».

Выслушав ее, Дун Хуа, казалось, действительно задумался.

---

[1] консумировать брак – значит подтвердить его. Консуммация (лат. consummatio «довершение») — термин, употребляемый иногда для одной из составляющих брака, а именно первого осуществления брачных отношений (полового акта).

<http://tl.rulate.ru/book/32932/742503>